

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)+94(3)

**ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ И ДРУГИХ
СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ В ЭПОХУ РАЗВИТОГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ / ОТВ. РЕД. Б. Н. ФЛОРИЯ. М.: ИНДРИК,
2014. – 432 С.**

И. Г. Воробьева

Тверской государственной университет, кафедра всеобщей истории, г. Тверь,
Россия

Анализируется коллективное исследование российских ученых проблем развития общественной мысли у славянских народов на протяжении позднего Средневековья, изданное Институтом славяноведения РАН под редакцией Б. Н. Флоры в 2014 г. В рецензии особо обращено внимание на интерпретацию русских средневековых текстов, посвященных тверским сюжетам, особенно образа Тверского князя Михаила Ярославича.

Ключевые слова: общественная мысль, Россия, славянские народы, Средневековье, Институт славяноведения РАН, Тверские князья.

В конце 2014 г. Институт славяноведения РАН выпустил монографию, продолжающую серию книг авторского коллектива по изучению проблем развития общественной мысли у славянских народов на протяжении Средневековья. В 2009 г. вышла книга «Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья», в 2012 г. – «Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.)». Два первых исследования выполнялись в рамках фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских

народов в мировом социокультурном контексте».

Рецензируемое издание подготовлено при поддержке того же отделения РАН в рамках проекта «Этноконфессиональные конфликты Средневековья и раннего Нового времени в славянском мире». Ответственным редактором издания выступает д.и.н., член-корр. РАН Б. Н. Флория. Состав авторского коллектива в трех изданиях почти одинаков. Это известные слависты С. А. Иванов, А. А. Турилов, Г. П. Мельников, О. А. Акимова, Б. Н. Флория.

Прежде всего авторам предстояло дать определение понятия «общественная мысль». По словам

С. А. Иванова, «общественная мысль – это никак не общественная практика, не ткань жизни социума, но рефлексия над ней»¹. Поэтому авторы проанализировали главным образом литературные тексты, чаще историографического и агиографического жанров, в каковых подобная рефлексия составляла бы основное содержание. В первых книгах были рассмотрены тексты, созданные в IX – начале XIII в. на Балканах, в Польше, Чехии и Древней Руси. Третья книга охватывает те же регионы в XIII–XIV вв. Этот хронологический период авторы, продолжая советскую историографическую традицию, называют эпохой развитого Средневековья, что не соотносится с периодизацией Средневековья, которая отражена в коллективном проекте Института всеобщей истории «Всемирная история». Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока /отв. ред. П. Ю. Уваров. М.: Наука, 2012. Думаю, что точнее было бы указать в названии только хронологические рамки, как это было сделано в предыдущей книге.

Несомненно, XIII–XIV вв. – новый этап в истории славянского мира. Авторы определяют его как время «становления единых монархий, пришедших на смену отношениям политической раздробленности... Политическое же объединение закономерно вело к росту значения центральных государственных ин-

ституттов, их активности, вмешательства в общественную жизнь». Поэтому авторы полагают, что «вопрос о взаимоотношениях государства и общества стал предметом усиленной рефлексии разных общественных сил».

Цель исследования сформулирована четко, хотя и широко: «Рассмотреть социально-политическую борьбу в государствах славянского мира и общества в тесной связи с процессом осмысления этих отношений представителями государственной власти и государственной идеологии, с одной стороны, и представителями сословий, с другой; проследить, как вырабатывались в происходившей полемике представления о желательной (или наилучшей) модели организации государства и общества, о путях развития этого общества в прошлом, о конкретных рецептах для настоящего». В числе важных участников политической жизни авторы видят дворянство и мещанство, называя их сословиями. Значимой общественной силой они считают и церковь, пытаясь определить ее интересы в конфликтах сословий и государственной власти. Поставленные задачи авторы рассматривают на довольно широком географическом пространстве. Их интересуют земли Древней Руси, Сербии, Болгарии, Хорватии, Польши и Чехии, что дает возможность составить целостную картину развития общественного сознания в Древней Руси и славянских странах на многовековом протяжении средневековой истории.

Самый большой раздел, открывающий книгу, написанный Б. Н. Флорей, посвящен общественной мысли Древней Руси. Замечу, что

¹ См.: Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья / отв. ред. Б. Н. Флорей. М., 2009. С. 9.

Obshchestvennaya mysl' slavyanskikh narodov v epokhu rannego srednevekov'ya, отв. red. B. N. Florya, M., 2009, S. 9.

в нем название «Россия» ни разу не встречается, что как-то не соотносится с общим названием книги. Автор начинает свое исследование с разбора конфликтов XIII в. и их отражения в сознании древнерусского общества на основе Летописи Даниила Галицкого и «Моления» Даниила Заточника. Затем он рассматривает тексты, имеющие отношение к Новгороду, Юго-Западной и Северо-Восточной Руси XIII–XIV вв.

Из всех сюжетов меня наиболее заинтересовала авторская позиция об отношении отдельных слоев русского общества к татаро-монгольскому нашествию. Этот вопрос рассматривался в книге И. У. Будовница, в специальной работе В. А. Кучкина, но Б. Н. Флоря делает ряд новых наблюдений. Цитируя Лаврентьевскую летопись с сообщением о нашествии Батыя как ужасном бедствии, причиной которого стал гнев Божий, вызванный «злыми делами», историк задается вопросом: какие же дела были злыми? Исследователь пытается найти ответ в разных текстах, где порицалось русское общество. Б. Н. Флоря обращает внимание на тот факт, что погрязшему в пороках обществу владимирский епископ Серапион противопоставляет «поганых», которые ведут более добродетельную жизнь (не преследуют своих братьев, не грабят, выкупают того, кого постигла беда, и пр.) В то же время исследователь считает, что перед людьми XIII в. стояла конкретная задача: как определить отношения с завоевателями. Рассмотрев ряд текстов, он заключает, что «поведение посещавших Орду князей стало предметом общественного обсуж-

дения». Он замечает, что ряд памятников свидетельствуют о существовании в Ростовской земле влиятельных групп, искавших сотрудничества с Ордой. В то же время Б. Н. Флоря предполагает, что такая ориентация расходилась с настроениями более широких кругов населения (с. 98).

Ссылаясь на успехи археологов, доказавших масштабы бедствий татаро-монгольского нашествия, историк задается вопросом: как повлияло ордынское правление на характер социальных перемен в древнерусском обществе? Б. Н. Флоря высказал предположение, доказав его рядом текстов («Наказание» тверского епископа Симеона), что по причине гибели многих земельных собственников процесс формирования привилегированного светского землевладения был замедлен, и организация общества осталась традиционной, как бы законсервировалась, и, соответственно, традиционным был и характер социальной критики (с. 101). Прежде всего осуждались княжеские усобицы, особенно те, когда князь призывает татар, чтобы отнять великокняжеский стол «у брата старейшего». Автор утверждает, что идея сохранения единства, мира и порядка путем установления правильных отношений между старшими и младшими князьями появилась во второй половине XI в., но татаро-монгольские ханы ее нарушили, что привело к появлению новых явлений в общественной мысли.

Отношения к ордынской власти и княжеским усобицам Б. Н. Флоря подробно рассматривает, анализируя важный памятник тверской ли-

тературы «Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского». Историк рассматривает Михаила Ярославича как правителя с «крупными политическими амбициями». Этот раздел в книге, полагаю, очень важен для понимания личности тверского князя, столь почитаемого современными тверскими краеведами и популяризаторами образа князя. Текст раздела необходимо изучать в учебных курсах Тверского университета.

Чтобы составить полное представление о развитии общественной мысли Северо-Восточной Руси в XIII–XIV вв., Б. Н. Флоря рассмотрел отражение в памятниках письменности проблему отношений между княжеской властью и другими слоями общества: духовенством, светскими землевладельцами, «черными людьми». Особое внимание он уделил развитию сотрудничества между великокняжеской и митрополичьей властью. В разделе выявлены ситуации, представленные летописцами о судьбах или действиях простых людей. Одна из важных тем – бедствия, постигшие людей после нашествия Батыя. Рассматривает автор и рассказ о разорении Тверской земли после восстания 1327 г. (с. 135), где летописец явно сочувствует пострадавшим. Завершает раздел анализ выдающегося художественного произведения «Слово о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьского».

Выявив особенности общественной мысли Руси, авторы рецензируемой книги, обратились к балканским землям. Главы, посвященные южным славянам, показывают, что на южнославянских территориях положение выглядело во многом

иначе, чем на Руси: единые государства конституировались и отстаивали свою независимость в более ранний период.

Значимо и различие в источниковой базе решаемой проблемы. Авторы глав о Болгарии, Сербии, Хорватии разбирают не только тексты, созданные славянами, но и их соседей – византийцев, венецианцев. Специфика сербской общественной мысли выявляется авторами не только по житийной литературе, грамотам и «Законнику» Стефана Душана (1331–1356), существенную роль играют и портретные изображения канонизированных персонажей сербской истории на фресках, монетах, печатях. Этот уникальный корпус изобразительных источников хорошо сохранился и обстоятельно описан в сербской литературе.

Рассмотрев развитие общественной мысли в Болгарии XIV в., С. А. Иванов пришел к выводу, что «все возрастающее политическое могущество феодального класса Болгарии и политическая дезинтеграция страны не были в должной степени отрефлексированы в общественной мысли. Царская власть рассматривала боярство как своих подданных, а в центре политического сознания церкви по-прежнему находилась фигура монарха, чаще бессильного» (с. 158).

Отношения между государственной властью и церковью в Сербии воспринималось как патронат. В среде духовенства державы Неманичей была влиятельная группа лиц, оказывавшая власти поддержку и не выступавшая против нее вместе с недовольными властелями. На основе анализа Законника, боснийских грамот, житийной литературы

А. А. Турилов отметил определенные итоги борьбы землевладельцев, называемых «властела», за превращение их держаний в наследственную собственность, которой они могли полностью распоряжаться. Такую собственность в документах называли «баштина», что сопоставимо с русской «вотчина». Сравнение сербского законодательства с чешским и польским того же времени показывает правовую непрочность статуса сербской властелы. Проведенный сравнительный анализ западнославянской и сербской правовой практики впервые проделан в историографии так обстоятельно и заслуживает внимания. Гораздо меньше авторы написали о новой этноконфессиональной группе населения, называемой «сасы» (немцы-рудокопы).

Представления о власти и обществе в хорватских и далматинских памятниках письменности конца XIII–XIV в. рассмотрены О. А. Акимовой. Она уделила внимание как нарративным памятникам, так и законодательным. Обстоятельно рассмотрены тексты статутов Дубровника, Сплита, Задара, Трогира. Особое внимание уделено Винодольскому закону и статуту Корчулы. Автор обстоятельно рассматривает и аргументировано доказывает, что именно во вводной части статутов (проемия) в наиболее концентрированной форме нашло отражение взаимодействие представлений о собственной административной коммунальной власти и верховной политической (венгерской в лице Анжуйской династии или венецианской). Отношение к суверенной власти определялось ее

готовностью обеспечивать безопасность далматинских городов. Такую же позицию отражали и городские хроники.

На землях Хорватии в XII–XIII вв. центральная королевская власть была слаба, и шел процесс ее укрепления и борьбы феодальных родственных коллективов, сходный с западноевропейским линияжем. О. А. Акимова рассмотрела тексты, относящиеся к семейству Шубичей (впоследствии – Зринские), которые пытались создать независимое хорватское государство в борьбе с венгерскими королями. Властные амбиции князей, их стремление к консолидации хорватских территорий, как показывает автор на примере разных источников, нашло отражение в использовании терминов «бан хорватов», «господин Хорватии». В политической идеологии Шубичей выстраивался образ идеального правителя, и определялось его выдающееся место в Хорватии, которое он все же не сумел удержать. Более успешен оказался венгерский король Лайош (Людовик), сумевший подчинить ряд хорватских семейств, получивших некоторые привилегии, т.к. называемый «союз двенадцать хорватских племен». Только принадлежность к этому союзу оказывалась залогом знатности и включенности в Королевство, подчеркивает О. А. Акимова. Определенный интерес в разделе представляет материал о Славонии, которая с середины XIV в. стала объединяться с Хорватией и Далмацией и стала частью венгерской Анжуйской династии. Тогда, полагает автор, «представления о власти стали

претерпевать существенные трансформации» (с. 237).

Общественная мысль Польши рассмотрена Б. Н. Флорей на основе свидетельств анналов, житийной литературы, хроники Винцента Кадлубека, Великопольской хроники и ряда поэтических произведений. Автор, подводя итоги, констатировал, «что борьба за объединение польских земель, продолжавшаяся несколько десятилетий, сопровождалась обсуждением важных проблем, касающихся отношений общества и власти» (с. 309). Но можно согласиться с автором, что сохранившиеся тексты дают одностороннюю картину: прежде всего слышен голос влиятельных кругов духовенства. А вот отражение взглядов государственной власти обнаружить довольно трудно. Представляется, что именно это обстоятельство отличает польский регион от южнославянского.

Во второй половине XIV в. ситуация меняется. Объединительная политика польского короля Казимира Великого привела к созданию большого количества грамот и законодательных памятников, повлиявших на интересы верхних слоев общества. Б.Н. Флоря подробно рассматривает изображения символа королевской власти – Орла – на печатях, постройках и пр. Использование новых символических атрибутов власти свидетельствует о существовании новой идеологии о власти монарха. Этот тезис Б. Н. Флоря подтверждает рядом нарративных текстов, высказываний на судебных процессах. Вместе с тем автор рассматривает дискуссионный вопрос об использовании в Польше понятия «*Corona regni*». Появление этого по-

нятия в ряде стран становилась символом государственной власти независимо от личности монарха, который не мог нарушать целый пакет прав. Б. Н. Флоря полагает: имеющиеся источники показывают, что в государственной идеологии сохранились прежние представления о государе как о патримониальной монархии (с. 324). Обстоятельно автор рассмотрел отношения Казимира с мещанским сословием и духовенством, которое считало себя самостоятельной политической силой, имеющей свои особые интересы. Выявил автор и характер отношений короля с великопольской знатью и рыцарством. Весьма перспективны суждения Б. Н. Флори о наименовании Казимира «королем крестьян».

Завершает рецензируемую книгу глава о чешской общественной мысли, написанная Г. П. Мельниковым. Автор рассмотрел взаимоотношения власти и общества в хронике так называемого Далимила, имевшей антинемецкую направленность и выражавшую чешское самосознание. Он выявил настроения среди дворянства, причины конфликта, отразившиеся в хронике, приводя многочисленные рифмованные строки хроники. Г. П. Мельников утверждает, что автор формулирует новую концепцию власти шляхты как ведущей политической силы, но при этом выступает не столько как идеолог знати, сколько как политический мыслитель.

Завершается раздел очерком Г. П. Мельникова об общественной мысли чешского общества эпохи Карла IV. Время правления Карла Люксембургского – «золотой век» чешской истории, имеющий огромную историографическую тради-

цию. Г. П. Мельников представил все исследования, проведенные в последние годы, включая выставку в Нью-Йорке в 2006 г. Сам историк многократно писал о концепции власти, созданной Карлом IV, о мифологеме богоизбранности верховной власти, о «солнечности» чешской нации. Но его пафосный вывод об инновационности концепции Карла IV вступает в противоречие с наступившим с конца XIV в. в Чехии глобальным кризисом, в том числе и идеологическим.

Рецензируемая книга не имеет заключения, но все же читатель может сделать вывод о том, что проблема отношений «власти» и

«общества», точнее — власти и социальный верхов этого общества стала приобретать к XIV в. схожий характер в разных регионах славянского мира.

В заключении необходимо отметить исполнительское оформление всех трех книг. Хотя издания осуществляли разные издательства, в оформлении переплета использованы изображения славянских миниатюр, фресок, барельефов. Так, на обложке рецензируемого издания представлено изображение болгарского царя Ивана Александра с женой Феодорой и сыновьями из Евангелия 1356 г.

SOCIAL THOUGHT IN RUSSIA AND OTHER SLAVONIC COUNTRIES IN THE ERA OF DEVELOPMENT OF MEDIEVAL / EXECUTIVE EDITOR B. N. FLORYA. M.: INDRIK, 2014. - 432 S.

I.G. Vorobyova

The Tver' State University, The Dept of General History, *Tver', Russia*

The review analyses the collective study of Russian scientists devoted to the problems of the development the social thought of Slavic peoples throughout the late Middle Ages, which was published by the Institute of Slavonic studies of the Russian Academy of Sciences, edited by B.N. Florya in 2014. The review is particularly focused on the interpretation of Russian medieval texts concerning twersky subjects, especially the image of the Tver Prince Mikhail Yaroslavich.

Keywords: *social thought, Russia, Slavic peoples, the Middle Ages, the Institute of Slavonic studies of the Russian Academy of Sciences, Tver Princes.*

Об авторе:

ВОРОБЬЁВА Ирина Геннадиевна – доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхвятская, 16/31, каб. 215), e-mail: dubrovnik@mail.ru

About the author:

VOROBYOVA Irina Gennadievna – The Doctor of History, The Professor, The Tver State University, The Dept of General History, (170100, Tver, Trekhsvyatsky Str., 16/31), e-mail: dubrovnik@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.08.2014 г.